

ВИТАЛИЙ СЕРКОВ

“И ПРОШЛА ЗЕМНАЯ ОСЬ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ ЭТО”

Надежда Мирошниченко. “О любви”. Сыктывкар, 2008.

Когда-то, прочитав в журнале “Наш современник” стихи Надежды Мирошниченко впервые, я понял, что автор их – человек мужественный и неординарный, но и представить себе не мог, что таится в душе этой женщины. Надежда Мирошниченко восхитила множество раз своей поэзией, напоминая сильному полу о мужестве и верности, о чести и совести.

Родилась она 3 июля 1943 года в Москве в семье партийного работника. С 6-ти лет живёт в Республике Коми. Окончила Коми пединститут. По сути, вся жизнь поэта связана с Севером. Видимо, не сразу суровый северный край стал для неё родным, и не сразу её приняли за свою. Ведь провинциальная жизнь имеет свои особенности, свои приоритеты, свои законы, никем не писанные, а в северной провинции – особенно. И люди там живут непростые. Их на мякине не проведёшь. Ложь и лицемерие они видят не хуже рентгеновского аппарата. Помогли Надежде стать “своей”, как мне кажется, открытость, правдивость и честность. А ещё – отсутствие заносчивости, которую в провинции на дух не переносят. В стихотворении “Вечер поэзии” Надежда Мирошниченко об этом со свойственной ей искренностью и поведала:

*Она такая — из крестьянской поросли.
В руках её надёжных вся семья.
И мы приходим к ней на вечер порознь.
И тяжела ей ветреность моя.*

*Джинсовая, залётная, кудрявая,
Господь, в невестки эту не пошли!
Как горячо крестьянке не по нраву я,
А мы ведь с ней ровесницы почти.*

*Не тороплюсь к любви её, не сетую,
Что ни к селу на этом берегу.
И с Дарьей Николаевной беседую,
И ей ни в чём, как матери, не лгу.*

*Мне с ними хорошо и неприкаянно.
А кто-то шепчет: “Надо же, своя!”
И хлопает мне Дарья Николаевна,
Великая соперница моя.*

Провинция – это не только простые люди, рядом с которыми живёшь, для которых стала своей и которые понимают и любят твою поэзию, не только коллеги по литературному цеху, но ещё и “чиновничье болото”, от которого зачастую многое зависит. Только самые сильные и целеустремлённые люди могут, презрев равнодушие, непонимание, а иногда и необразованность и хамство местных чиновников, выйти на всероссийскую поэтическую орбиту и заявить о себе так, что не замечать их и не считаться с ними в родной провинции уже не могут:

*Провинция любит потом.
Сначала глядит и не видит.
Ей кажется: в люди не выйдет
Из провинциалов никто...*

*...Неправда, что легче в селе,
Ну разве что навеселе.
Провинция любит потом,
Когда на щите золотом.*

Хотя и это не всегда является достаточным аргументом. Попробуй, обратиться за помощью в издании книги. Попробуй-ка, запишись на приём к мэру города. Перед тобой встанет непреодолимая стена из мелких чиновников с бесцветными глазами, просеивающих посетителей через сито равнодушия и непонимания. Можешь услышать и такое: “Это ваше личное дело. Хотите – пишите, хотите – не пишите. А мы-то при чём?” Конечно же, они не при чём. У них задачи глобальные. Таким хоть кол на голове теши. Это я привёл пример из личного провинциального опыта поэта, живущего в “курортной столице России” и в “столице будущей олимпиады 2014 года”. И порадовался за Надежду Мирошниченко и чиновников Республики Коми, зная, что книга, о которой я здесь веду речь, издана на средства администрации к юбилею поэта.

Наверняка и у Надежды Мирошниченко не всегда и не всё складывалось гладко. Наверняка и ей приходилось раз за разом преодолевать “сопротивление материала”, иначе откуда могли произрасти такие признания: “. . . И я, как все, окрепнув от забот, // Себе назначу новые пределы. // И, сетуя, что дел невпроворот, // Хвататься буду за любое дело”. Но в том-то и дело, что чем дальше и выше пределы, за которые поэту удалось заглянуть, тем скорее приходит откровение. “Но вымажутся зеленью двory. // И с вологодским кружевом проталин // Я вспомню вновь: до тех мы пор мудры, // Пока на нежность нас не испытали”.

Поэзия Надежды Мирошниченко – олицетворение загадочности – русской, противоречивости – женской души и необузданности чувств:

*Ах, какое это право —
Огороды городить!
Говорить: пойду направо,
А направо не ходить.
Говорить: прошу участия,
А участием отогреть.
Говорить: умру от счастья.
И от счастья умереть.*

И ярче всего это проявляется в любовной лирике:

*Свяжите, а то я ударю его.
Заприте, а то я к нему убегу.
И лучшего я не хочу никого.
И худшего тоже. А с ним — не могу.*

*Пусть всё умирает: и слово, и жест.
Уйдите, чужие, — у нас разговор.
А разве меня ты не любишь уже?
А разве тебя я люблю до сих пор?*

*Как видишь, всему наступает предел.
Мы думали — в шутку, а жили всерьёз.
Когда ж ты, единственный мой, поседел
От строчек моих, от бессонниц, от слёз?!*

Такие строки вряд ли могут быть переведены на чужой язык, а такие чувства вряд ли могут быть понятны людям нерусским. Запад — слишком рационален, а Восток — закрыт в чувствах. И только русская душа жива изо дня в день, из года в год искренностью и открытостью, сокрушаясь при этом: “Если бы ложь не умела прикинуться Золушкой, // Если бы истина сразу вступала в права...”. В том-то и штука, что и в окружении лжи и лицемерия, в условиях, когда и до истины докопаться становится всё трудней и трудней, потому что она — одна, а правда у каждого — своя, поэт Надежда Мирошниченко знает (что бы о русских ни говорили, в каких бы грехах ни обвиняли, какие бы небылицы о нас ни плели): “Главное в нас, что мы всё ещё верим в хорошее...”. И только истинно русский поэт может признаться: “Мне хорошо, я опять попадаю на искренность. // Чувство опасное, а всё равно хорошо”. Потому, видимо, и хорошо, что не таила правду, не являла в стихах полуправду и ложь, которые, как ржавчина, разъедают душу. И вовсе не случайно написалось, как выдохнулось:

*Горжусь, что не завидовала счастью
Чужому. Что чужого не брала
Что радовалась людям настоящим.
И воду родниковую пила.*

*Горжусь, что, боль и страх преодолевая,
Училась правде. И теперь не лгу.
Горжусь, что понимаю негодяя,
А жить, как он, на счастье, не могу.*

*Горжусь, что ты со мною не расстался,
Хотя пытался. Что душа чиста.
Что голос мой окреп и не сорвался.
Как сложен мир. Как истина проста.*

Основополагающее свойство поэзии Надежды Мирошниченко — максимализм: если знать, то или всё, или ничего. Если любить, то так, что и от нежности твоей близкие люди могут получить ожоги. И в отношениях с родными, и в любых других проявлениях жизни чувства оголены и раскалены до опасного предела:

*Ничего не получается без раны.
Если нежность — обжигая до костей.
Если память — угрызенья да изъяны.
Если карты — драматических мастей.
А хотела, чтобы рядышком да вместе,
Чтобы всем достался поровну калач.
Если праздник, чтобы искренность и песни.
Если похороны — искренность и плач.
То ли меченая, то ли чумовая,
Одного на этом свете не пойму:
Ведь не ада я желала им, а рая,
Почему они сгорели? Почему?*

В таком энергетическом накале жить непросто и самому поэту. И не только потому, что волны её энергии не всегда безболезненно задевают родных и

близких, людей, которые по-настоящему дороги, но страдают порою от случайных ожогов. Происходит произвольный перерасход энергии, доходящий до почти полной разрядки. А после всё повторится. И другую причину, по которой поэту непросто жить, я нашёл в одном из лучших, на мой взгляд, стихотворений Надежды Мирошниченко:

*...Нам не понять, за что, хоть всё оплачено
Парною кровью, мёртвой головой,
Опять Россия бесом раскулачена
По новой по цене, по мировой.*

*Нам этого бесчестия не вынести.
Ещё чуть-чуть — и разорвут страну
Очередной непоправимый вымысел,
Оправленный в гражданскую войну.*

*Нас всё равно ни галльские, ни шведские
Подачки не сумеют устеречь.
Неукротимы души наши детские.
И неподвластна плену наша речь.*

*Уже не знаешь, что за чем последует.
Как муравьи, политики снуют.
Мне говорят: на Родину не сетуют.
Но Родину ведь и не продают.*

Вряд ли эти строки прочтут, а если прочтут, то вряд ли правильно поймут “снующие, как муравьи, политики”, но русские люди эти строки должны знать. Да и среди политиков, я уверен, есть ещё русские люди, которым судьба России и русского народа не безразличны. По крайней мере, в это хочется верить. Ведь русские — государствообразующий народ. И появлению слова “россияне” мы, видимо, обязаны тем, кому слово “русский” мешает торговать русской землёй, за соби́рание и сбережение которой заплачено на протяжении веков неисчислимой русской кровью. А раз “россияне”, то нечего вроде бы и горевать за русскую землю. И Надежда Мирошниченко это хорошо понимает.

*Нет, не россияне мы, а русские.
Россияне — те, что без креста.
Те, что не справляясь с перегрузками,
Страх пережидают по кустам.*

*Те, что ищут тёплого да сладкого.
Кто не знает: горе — не беда.
Русские — мы славились ухваткою,
Верностью России навсегда.*

...Какой бы энергоёмкой ни была душа поэта, но и она устаёт от постоянной борьбы, от понимания, что почти ничего сделать невозможно, от глухоты политиков и бесполезность протестов. И неудивительно, что среди энергетических смерчей, которыми полна книга “О любви”, вдруг натыкаешься на полную опустошённость и усталость: “Всё надоело, Люди на сходки // Мчатся, а мне, паршивке, // Всё надоело. Краткие сводки // С митингов, как фальшивки. // Всё надоело: тропы и трассы. // Вижу, как в очерёдный // Раз оболванят родные массы // Ненависти народной”.

Готовясь к написанию этой статьи, я заглянул в “Лексикон” Вячеслава Огрызко (Русские писатели. Современная эпоха. Эскиз будущей энциклопедии. Москва. Литературная Россия. 2004 год) и прочитал о Надежде Мирошниченко следующее: “В последние годы в своих стихах постоянно использует слова “Русь”, “Россия” и “русский”, из-за чего их высокое значение читателями порой уже не воспринимается”. Попал пальцем в небо! Для русских читающих и думающих людей эти слова от частого употребления стереться не могут. На-

дежда Мирошниченко раз за разом, вскрывая болевые точки, не боится самоидентификации, не боится назваться русской, не боится сказать нелицеприятное в адрес нынешних правителей и тех, кого мы называем “пятой колонной”, а проще — предателей. Как же можно обойтись без понятий “Россия”, “Русь”, “русские”, если речь идёт в стихах именно об их судьбе, о их горестях и проблемах? Ведь всё, о чём пишет Надежда Мирошниченко, — на устах у простых русских людей. А поэт лишь чутко уловил чаянья людей, чувствуя “пласты и времени, и совести, и слова”.

Я считаю Надежду Мирошниченко русским национальным поэтом. И вовсе не важно, что она живёт в Республике Коми. Ведь в республиках Северного Кавказа, к примеру, присваивают звание “Народный поэт”. Поскольку русский народ является государствообразующим, но не имеет своей государственности, то и назвать невозможно кого бы то ни было из русских поэтов народным. Но русским национальным поэтом мы имеем право называть достойных представителей своего народа.

Слова, которые проакцентировал автор “Лексикона”, употребляются поэтом всегда кстати, не выпирают из текста и никаких умозаключений не педалируют. Не побоюсь привести для примера стихотворение, посвящённое Станиславу Куняеву:

*Не зря веки мы не торопились
Принять чужое ближе, чем своё.
Не зря над Русью вороги глумились,
А не сгубили таинства её.*

*Не зря нас покупала заграница,
Где каждая былинка — напоказ.
Но, обернувшись девицей, жар-птица
С ума сводила молодца у нас.*

*Но рвань и пьянь, что вяла под забором
С единой мыслью: поутру напьюсь, —
Вдруг поднималась в страшный час позора
И умирала праведно за Русь.*

.....
*Зато нас помнят и Царьград, и Плевна.
Да стоит ли об этом говорить!
О, Русь моя! О, Спящая Царевна!
Мне горевать, что снадобье варить.*

*О, Русь моя! Единственное имя,
Которому служить не разучусь!
Болею всеми болями твоими.
Но всей твоею радостью свечусь.*

Вот и я воспринимаю стихи Надежды Мирошниченко, особенно те, что кровоточат ранами и вопиют болями за Русь, за Россию, за русский народ, как снадобье, помогающее выжить.

Если бы господа демократы не убрали из паспорта графу “национальность”, если бы нынче в школах не преподавали детям историю по учебникам Сороса, в которых и во Второй мировой войне Советскому Союзу отводится второстепенная, вспомогательная роль, если бы за последние два десятилетия не подвергались нападкам со всех сторон Россия, русский народ, российская армия, если бы не вызрело возмущение во многих и многих русских сердцах от этой несправедливости, то не пришлось бы русским поэтам писать кровоточащие стихи, в которых они раз за разом пытались достучаться до сердец своих соотечественников, в том числе и употребляя слово “Русь”, “Россия”, “русский”. А если вспомнить, что русская культура загнана на задворки СМИ, что ни по радио, ни с экрана телевизора не услышишь нынче ни русских песен, ни чистой русской речи, что памятники воинам-освободителям в республиках бывшего Союза и за пределами его сносятся, что героями обьявляются бывшие нацисты и их пособники, а русских героев, которые осво-

бодили Европу от коричневой чумы и доживают свой век за пределами России, таскают по судам, как оккупантов, то и удивляться не приходится, когда поэт поднимает раз за разом русскую тему в своих стихах:

*Я столько раз тропой ходила узкою,
А вот дождалась часа своего.
Я столько раз сказала слово русские,
Что наконец услышали его.*

Накануне Нового 2011 года в Сочи трое гастарбайтеров, приехавших из Средней Азии на заработки, изнасиловали и зарезали двадцатилетнюю русскую девушку. Все трое задержаны, идёт следствие. Но надеяться на то, что дело это получит широкую огласку, не приходится. Наверняка местные власти этот факт захотят утаить от широкой общественности, а зря. Это необходимо хотя бы для того, чтобы девушки были разборчивей в знакомствах, чтобы приехавшие на заработки гастарбайтеры знали, что любое преступление с их стороны будет караться. Такие стихи Надежды Мирошниченко, как “Русский манифест”, посвящённые Валентину Распутину, думаю, не оставят равнодушными русских людей, :

*Пропадёт моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала, и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь ни выстрелит,
Всё вернётся стрела и убьёт самого же стрельца.*

*Что вы, чёрные вороны, по полю чёрному рыщете?
Что вы, чёрные вороги, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы не лучше, не хуже. Мы просто такие одни.*

Поэзия Надежды Мирошниченко давно уже шагнула за пределы северной провинции и стала близкой и понятной в самых отдалённых уголках России не только русским людям, а всем, кому не безразлична судьба страны, всем, кто не мыслит своего существования вне русской культуры и русской литературы.